

С восьмилетнего возраста Сергей пас скот у кулаков по найму, был батраком и пильщиком.

Брат Александр хорошо помнил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, являлся членом Коммунистической партии Западной Белоруссии, работал секретарем Гродненского окружного комитета партии (расстрелян немцами в годы Великой Отечественной войны.— С. А.).

Сергей мечтал о том, чтобы стать коммунистом, борцом за лучшую жизнь таких же обездоленных, каким был сам. В 1930 году по рекомендации партийной ячейки он вступил в комсомол, а через три месяца на подпольной районной комсомольской конференции был избран секретарем Крынковского райкома комсомола. В условиях нелегального террора работать было очень трудно.

Осенью 1932 года накал классовых битв в Западной Белоруссии принял самый острый характер. Проводимая буржуазно-помещичьим правительством грабительская политика довела до нищеты и отчаяния крестьян. После кровавых событий в деревне Осташино Новогрудского уезда во многих местах представители власти могли появляться только в сопровождении полиции. Да и полиции нередко приходилось позорно бежать. Казалось, в те осенние дни вот-вот грянет буря народного гнева.

Жители деревни Осташино сожгли помещичье имение, в котором с аукциона продавались скот и имущество, конфискованные за неуплату налогов, а также усадьбу осадника, который приобрел за бесценок крестьянское добро. Последовали массовые аресты и жестокие избиения крестьян. Но это их не устрасило. В ответ они сожгли гумно местного коменданта полиции. Крестьяне соседних деревень включились в борьбу. В деревне Мельница, возле Осташино, были убиты полицейский и осведомитель полиции. В Нигневичах разгромлен полицейский участок и крестьянами захвачено оружие. Состоялись бурные выступления в других населенных пунктах Новогрудского уезда. Оккупационные власти подвергли ряд деревень варварскому разорению. По приговору чрезвычайного суда были повешены четыре крестьянина, пять — осуждены к пожизненному тюремному заключению и сорок четыре человека к разным годам неволи.

Гродненщина представляла собой огнедышащий вулкан. Повсеместно участились массовые выступления крестьян. Широкую известность, в частности, получили события в деревне Смоляры Камень-Каширского

уезда. Они оказали сильное влияние на подъем и развитие борьбы трудящихся во всей Западной Белоруссии.

Во время антивоенной кампании, проводимой в защиту СССР, в деревне Смоляры был вывешен красный флаг, а рядом предупреждение: «Пусть только фашистская каналья отважится снять наше знамя, его не минует заслуженная кара». На второй день появившийся здесь войт гмины снял флаг и ночью был убит. Прибывший на место карательный отряд начал поголовные аресты и избиения жителей. Об этом стало известно в соседних деревнях. Крестьяне, вооруженные вилами, косами, а частично и огнестрельным оружием, поспешили на помощь в Смоляры. Началась схватка с полицией, в результате которой были убиты комендант и тайные осведомители. На подкрепление карательному отряду прибыл батальон пехоты. После перестрелки крестьяне вынуждены были отступить в болота и леса. Многие из них сражались в партизанских отрядах.

В южных уездах Полесского воеводства и на Волыни развернулось настолько сильное партизанское движение, что для его подавления власти вынуждены были направить три полка пехоты с броневиками и самолетами, несколько эскадронов кавалерии, 1500 полицейских...

В том же году Сергей Притыцкий прибыл в Вильно, где находился ЦК Коммунистического союза молодежи Западной Белоруссии.

— Аркаша, — назвал он себя в секретариате ЦК комсомола Западной Белоруссии, радушно улыбаясь, крепко пожимая руки. По конспиративным условиям он не мог открыть имя, фамилию. Только спустя четыре года узнали, что Аркаша — это Сергей Притыцкий... Это был типичный деревенский паренек, с солнечным загаром на исхудалом лице, в стареньком сером костюме.

— Всюду одно лихо, одна беда — преследования полиции, аресты, а законы конспирации для всех нас суровы, бескомпромиссны и категоричны, — рассказывал новый секретарь Гродненского подпольного окружного комсомола.

Юноша оказался на редкость остроумным собеседником. Он подробно рассказывал о том, как отряд самообороны и жители деревни Ковали Берестовицкой гмины¹, вооружившись камнями и кольями, прогнали сборщиков податей и полицейского, пытавшихся описать имущество крестьян за неуплату налогов.

¹ Гмина (волость) — административно-территориальная единица, равная поселковому (сельскому) Совету.

— Что это было за зрелище!.. Как бежали сломя голову полицейский, а за ним налоговый инспектор!.. Как вдогонку им улюлюкали ребята,— восторгался он.

Аркаша не скупился на слова, но в то же время старался быть точным и осторожным в выражениях.

— И все-таки, гады, отомстили нам,— продолжал рассказчик,— в Ковали прибыл карательный отряд из Гродно. Прибыл ночью, когда все спали. Застигнув всех врасплох, каратели учинили в деревне кровавую расправу. Они без разбора избили всех, не щадили ни женщин, ни стариков, ни ребят-малолеток. Организаторов выступлений заковали в цепи и бросили в тюрьму...

В первый раз Притыцкий был арестован в 1933 году в местечке Озеры Гродненского уезда в квартире старого подпольщика Александра Кишкеля. В полицейском участке его подвергли жестоким пыткам. Вечером в гродненской дефензиве повторилось то же самое. На вторые сутки, ночью, его, закованного по рукам и ногам, шпикеры отвезли в Берестовицу, где за два дня до ареста он выступал на антивоенном митинге. Здесь пытали в течение пяти дней, требуя признаний. Вновь били, мучили, долго держали в карцере, камере-одиночке.

Из Берестовицы его снова отвезли в гродненскую дефензиву, где опять пытали, а затем посадили в гродненскую тюрьму. Но поместили не с политзаключенными, а с уголовниками.

* * *

Стою возле снимка в музее имени С. О. Притыцкого 20-й средней школы Минска. Страшный тюремный снимок в трех изображениях — анфас и в профиль с правой и левой стороны. Это Притыцкий в гродненской тюрьме. Измученное, исхудалое лицо, обтянутый кожей скелет. И только глаза, глаза живые. В них решимость и ненависть к врагам...

Ученица ведет экскурсию. С затаенным вниманием слушают ее дети, смотрят на снимки, рассказывающие о жизни и деятельности выдающегося сына белорусского народа. И перед мысленным взором моим оживают люди, события...

— Вы, как видно, считаете меня идиотом, законченным дураком и поэтому требуете, чтобы я сделал то, чего не могу! — с возмущением заявил Аркаша на предложение шефа гродненской дефензивы подписать заявление об отречении от КПЗБ и КСМЗБ.

— А почему не можете? — сразу ухватился за его слова шеф дефензивы.

Аркаша понял, что в своем ответе допустил промах, и решил незамедлительно его исправить.

— А что это такое КПЗБ и КСМЗБ? — прикидываясь протачком, спросил он.

— Не валяй дурака! — заорал на него шеф дефензивы.— В своих Гаркавичах, пять лет тому назад, ты был секретарем комсомольской ячейки, а с прошлого года — член КПЗБ.

— Нет!.. Это неправда! — прервал его Аркаша.— Я не имею никакого понятия, никакого представления о КПЗБ и КСМЗБ... Как же я могу от них отречься?!

— Предположим, что это так, как ты говоришь,— продолжал шеф дефензивы.— В таком случае подпиши вот эту бумагу. В ней сказано, что не будешь иметь связи с КПЗБ и КСМЗБ и осуждаешь их деятельность как антигосударственных организаций.

— А зачем это я должен делать? — спросил Аркаша.— Я политикой не занимаюсь... А потом, — показал он на руки, — после наручников и вашего выкручивания рук, что можно ими делать?.. О какой подписи вообще может идти речь, если я не могу пальцами пошевелить... А этот глаз, — показывая на запухший от побоев правый глаз, продолжал он.— Я ничего не вижу... Нет! Я ничего не буду подписывать, не хочу знать никакой вашей бумажки.

Осенью Притыцкий оказался на свободе. Его выпустили под надзор полиции. Это означало, что он не имел права отлучаться из дому и каждую неделю обязан был являться в полицейский участок для регистрации. Продолжать работать на Гродненщине он не мог, его слишком хорошо знала там полиция. Было решено направить его на учебу в Вильно.

В школу прибыл юноша лет двадцати. Сергей Притыцкий был под именем Янек. Многие не знали тогда, что этот с виду тихий и даже немного застенчивый юноша далеко не новичок в революционном движении. Он был очень скромным, отличался внутренней собранностью, упорной, настойчивой целеустремленностью, исключительной точностью и тщательностью в выполнении всех заданий и поручений в школе.

Виленская комсомольская организация была одной из передовых в Западной Белоруссии. Она имела богатый опыт работы среди рабочих и учащейся молодежи.